
АНКАЛИМЭ
Две жизни
Эмилии
18+

Анкалимэ Анкалимэ
Две жизни Эмилии

https://litres.ru/74708847
SelfPub; 2026

Аннотация

В свой двадцать пятый день рождения Эмилия Стальнова умерла. А проснулась в теле героини фильма, который смотрела накануне. Теперь она — Эмилия Бреннет, жена капитана магической команды. Вот только красавец муж в аварии подставил её под удар, чтобы спасти свою любовницу.

Теперь у неё множество переломов, потерянная память и два врага, которые не остановятся ни перед чем. Единственный выход — умереть для всех. Но новая жизнь в семье, работа рекрутером в маске и одна безумная ночь с незнакомцем, которого она не помнит, дают ей то, чего она была лишена: любовь и защиту. А ещё — неожиданную беременность.

Бывший муж и его любовница не знают, что Эмилия жива. Они охотятся за таинственным рекрутером, чтобы вернуть себе былую славу. Есть ли шанс выйти из тени и зажить своей жизнью без оглядки?

Содержание

Глава 1. Воспоминания 4
Глава 2. Бумеранг 16
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Анкалимэ
Две жизни Эмилии

Глава 1. Воспоминания

Привет, мой дорогой дневник! Меня зовут Эмилия Юрьевна Стальнова. Мне сегодня исполнилось двадцать пять лет. Но на душе не празднично. Сегодня самый отвратительный день. Хочешь знать почему? И я тебе отвечу. Но чтобы понять всю глубину задницы, в которой я оказалась, надо начать с самого начала. Не с сегодняшнего утра, не с тишины в квартире, а с того дня, с которого, как я теперь понимаю, всё и покатилось. Хотя, может быть, всё началось ещё раньше — в тот вечер, когда мой отец, молодой и счастливый, шёл на свою помолвку. Я много раз представляла этот вечер в своей голове. Не потому, что мне хотелось, а потому, что он никак не выходит из памяти, хотя меня тогда ещё не было на свете. Просто есть истории, которые пересказывали друзья отца на его днях рождения. Они как старая фотография: смотришь на неё и чувствуешь запах чужого праздника, чужого дома, палящего огня.

Мой отец, Юрий Антонович Стальнов, в молодости был редким красавцем. Гордость семьи, завидный жених и очень

добрый человек. Это не я так придумала, чтобы его оправдать или возвысить. Так говорили все, кто его знал. Я видела старые фотографии: высокий, с ясными глазами, с тем выражением лица, которое бывает у людей, не привыкших врать и прятаться. Он выглядел так, будто ему не нужно было ничего доказывать. Его любили родители, уважали соседи, а девушки, как мне рассказывали, оборачивались вслед. Но он не был из тех, кто пользуется своей внешностью. Не было в нём этой пустой самоуверенности. Он был добрым. Вот это, наверное, главное. Добрым не напоказ, а по-настоящему: так, что рядом с ним людям становилось легче дышать.

Отслужив в армии, он пошёл работать пожарным. Это тоже было в нём — желание быть там, где нужна помощь. Он не говорил красивых слов о долге, по крайней мере я не помню, чтобы он их говорил. Но он выбрал работу, где каждый день может закончиться огнём, дымом и чужой бедой. А ещё он заочно поступил на юриста. Отец хотел, чтобы у него было не только дело, которое он любит, но и твёрдая дорога в жизни. Он умел учиться, умел работать, умел терпеть. И казалось, что в жизни у него будет всё прекрасно. Он встречался с самой завидной красавицей нашего города на то время. Дочь богатых и влиятельных людей. Она была его будущим. Он шёл к ней, верил ей, собирался прожить с ней жизнь. Наверное, он думал, что нашёл своё счастье. И в этом не было ничего странного: молодой, красивый, добрый, с работой и планами. Ему казалось, что весь мир открыт перед ним.

И всё так и было до дня их помолвки. Она проходила в доме невесты. Большой дом, богатый, полный людей, собравшихся на их помолвку. Я не знаю, как выглядели комнаты, не знаю, что было на столах, не знаю, какие слова произносили присутствующие там люди. Но я почему-то всегда представляю этот дом слишком ясно. Может быть, потому, что после рассказов отца он остался у меня в голове как место, где закончилась одна жизнь отца и началась другая.

Как так произошло, что возник пожар, так и не смогли выяснить. Было два предположения: замыкание электропроводки и происки врагов отца невесты. Вот только пожар возник сразу на нескольких участках, и все были рядом с выходами. Значит, точно враги постарались, вот только улик, подтверждающих это, так и не нашли.

Я не знаю, кто именно первым заметил пламя. Не знаю, что кричали люди. Не знаю, как быстро всё случилось. Но знаю главное: мой отец помог всем покинуть горящий дом. Он не думал в тот момент о себе. Он был пожарным, он знал, как опасен огонь, и шёл вперёд, чтобы спасти их жизни. Наверное, в такие минуты человек показывает, кто он на самом деле. Отец показал себя полностью. Он вывел людей, он помог тем, кто растерялся, он не бросил никого. А потом случилось то, что сломало его жизнь.

Невеста кинулась к нему и сказала, что рядом нет друга детства, Ивана Кузьмихина. Она буквально вынудила отца вернуться в полыхающий дом, чтобы спасти этого Ивана.

Вот здесь мне хочется остановиться. Каждый раз, когда я дохожу в своих мыслях до этого места, у меня внутри всё сжимается. Я пытаюсь понять, что она чувствовала. Может быть, страх? Может быть, панику? Может быть, она действительно верила, что без её друга детства дом рухнет, и мир закончится? Но рядом с ней был человек, который только что вывел всех из огня. Человек, который уже сделал больше, чем обязан. И она заставила его вернуться. Не попросила, а именно вынудила. Так рассказывали. Я не знаю всех интонаций, не знаю слов, но я знаю результат. Отец вернулся в горящий дом. Ради неё. Ради того, чтобы она не плакала. Ради того, чтобы спасти человека, которого там, как оказалось, уже не было.

В последствии оказалось, что Иван выбежал одним из первых. Просто прятался, чтобы не выглядеть трусом. Вот и всё. Вот вся правда. Пока мой отец шёл в огонь, рискуя собой, этот человек прятался. Пока мой отец искал его по комнатам, задыхался от дыма, обжигался, этот человек уже был в безопасности. Он не хотел, чтобы люди видели, что он убежал первым. Он думал лишь о том, как будет выглядеть. О своём имидже. О чужом мнении. А мой отец в это время думал о том, что где-то там, в доме, может быть, остался человек. Он не знал, что там никого нет, но он шёл. Он искал этого Ивана, заглядывал в дымные и объятые пламенем комнаты, звал, наверное, кашлял, закрывал лицо рукой, снова шёл. И так его и не найдя, начал выбираться.

К тому моменту тело отца уже было сильно обожжено. Дым застилал глаза и душил лёгкие. Но он упорно двигался на выход. Я представляю его в эти секунды и не могу не плакать. Не потому, что я слабая, а потому, что это слишком несправедливо. Человек, который спасал других, который вернулся в огонь потому что его попросили, который искал того, кого не было, — этот человек должен был просто выйти. Всего несколько шагов. Он уже видел выход. Он уже почти выбрался. И когда до выхода оставались считанные шаги, обвалилась горящая балка. Моего отца погребло под горящим потолочным перекрытием. Вот так. Не в эффектном спасении, не на глазах у благодарных людей, а на последних шагах к выходу. Огонь не разбирает, кто перед ним: добрый человек или злой, красивый или нет, виноватый или невинный. Огонь просто берёт своё. В тот день он взял лицо моего отца. И всю его прежнюю жизнь.

В себя он пришёл через две недели на больничной койке. Две недели между жизнью и смертью. Всё тело болело от ожогов, но самое страшное — он испытывал ужаснейшую боль на всём лице, которое было перебинтовано. Свободными были только глаза и рот. Я думаю об этом и понимаю, что даже представить не могу, каково это: лежать и чувствовать, что твоё лицо — сплошная рана, что ты не можешь посмотреть на себя, не можешь потрогать, не можешь понять, насколько всё плохо. Он видел мир через узкую щель между бинтами. Он мог говорить, но, наверное, каждое слово отда-

валось болью. Он мог смотреть, но не мог увидеть главного — каким он стал. А когда сняли бинты и он понял... Я не знаю, что он почувствовал в тот момент. Он никогда не рассказывал мне об этом прямо. Он вообще старался не говорить о своей внешности. Но я видела, как он иногда замолкал, как отводил глаза, как будто проверял, не пугаюсь ли я. Я никогда не пугалась. Никогда. Но он всё равно помнил. Такое не забывается.

Итогом стало изувеченное лицо отца. Нос обгорел так сильно, что врачам пришлось удалить хрящик, осталась только кость. Представляете, каким ударом это было для отца? Лицо, которое раньше было красивым, стало таким, что люди на улице оборачивались и шарахались. Он стал уродом. Воландеморт и то покрасивее выглядел. Мой отец стал человеком, на которого стало страшно смотреть. И это было не где-то далеко, не в кино, не в чужой выдуманной истории. Это было с ним. С самым добрым человеком, которого я знала. С тем, кто дул на мои царапины и обнимал когда я расстраивалась. С тем, кто спас много жизней от огня. Огонь забрал его красоту, но не забрал его самого. Только вот мир вокруг часто смотрит не на то, что внутри. Мир смотрит на лицо. И мир отвернулся.

Невеста, увидев отца, отказалась от помолвки, испугавшись его уродства. И ей было безразлично, что косвенно именно она виновата в увечье отца. Нет, семья невесты не кинула его. Они полностью оплатили лечение отца вплоть

до реабилитации. Они сделали то, что можно было сделать деньгами. Но помолвку расторгли. Вот так просто. Деньги заплатили, лечение оплатили, а человека вычеркнули. Наверное, для них это было честно: они не оставили его без помощи. Но помощь деньгами — это не то же самое, что остаться рядом. Они заплатили и ушли. А он остался. С изувеченным лицом, с болью, с пониманием, что та, ради которой он вернулся в огонь, не выдержала даже взгляда на него. Она испугалась. Не смерти, не того, что могла потерять его. Она испугалась его лица. И это, наверное, было для отца страшнее ожогов.

Отец остался уродом, а вчерашняя невеста уже через три месяца вышла замуж за того самого Ивана. За того, кто прятался, пока мой отец искал его в горящем доме. За труса, который думал только о том, как бы не выглядеть трусом. Она выбрала его. Может быть, потому что он был целым. Может быть, потому что у него было нормальное лицо. Может быть, потому что так было удобнее. Я не знаю. Но я знаю, что она поплатилась за своё предательство. Много лет спустя, её трусливый муженёк вляпался в сомнительную аферу с криминалом. Задолжал им очень, ОЧЕНЬ много денег. И расплатился за часть своих долгов своей женой. К тому времени её отец умер, и заступиться за неё было некому. Так что та, кто предала моего отца, была сама предана. Я не знаю всех подробностей. Не знаю, что именно она пережила, не знаю, как это выглядело. Но я знаю итог. Она получила назад

то, что сделала сама.

Предательство.

Может быть, это и есть справедливость. Только от этой справедливости мне почему-то не легче. Потому что мой отец всё равно остался с изувеченным лицом. Потому что его жизнь всё равно пошла не так. Потому что чужая расплата не вернула ему ничего. Но самым ценным во всем этом, были его друзья и родители. Именно они не дали ему отчаяться, всегда поддерживали и помогали. Они не предали, и это спасло тогда моего отца.

Не знаю, где именно мой отец нашёл мою мать, но она была единственной женщиной, не шарахающейся от него. Сосипатрия Пудовна Заломихина. Именно так её звали. Странное имя, тяжёлое, будто из другой эпохи. Но, наверное, в нём было что-то от неё самой — от женщины, которая не побоялась остаться рядом с человеком, которого все боялись. Отец мне рассказывал, что привёз её из какой-то глухой деревни. Там произошёл страшнейший пожар, и вся её семья погибла в нём. Вроде они жили общиной, этакие отшельники, не признающие цивилизации. Я мало что знаю об этом. Мама почти не осталась в моей памяти, а отец не любил рассказывать о прошлом, что было до меня. Может быть, потому что слишком больно. Может быть, потому что он считал, что я ещё маленькая. А потом я выросла, и стало поздно. Но я знаю, что он привёз её из глубинки. Оттуда, где, наверное, не осталось ничего, кроме пепла и памяти.

И она поехала с ним. Женщина, которая видела страшнейший пожар, которая потеряла всех, которая, может быть, сама чудом выжила, — она не испугалась его лица. Она увидела в нём не урода, а человека. Того, кто тоже прошёл через огонь. Может быть, поэтому они и нашли друг друга. Два человека, которых огонь сделал другими. Два человека, которые в нем все потеряли.

Отец говорил, что мама была довольно слаба здоровьем, но когда узнала, что беременна, то твёрдо решила меня рожать. Не колебалась, не сомневалась, не думала о том, что может не выдержать. Она решила. И я живу. Я живу потому, что она решила меня родить. Я часто думаю об этом. Что было бы, если бы она тогда испугалась? Если бы послушала врачей, знакомых, кого угодно? Меня бы не было. Не было бы этой записи, не было бы моего дня рождения, не было бы моих слёз. Но она решила. И я есть. Я не знаю, как её благодарить. Не знаю, как благодарить человека, которого почти не помню.

По рассказам отца, я знаю, что она хотела меня назвать Акулина. Но папа настоял на том, что если ей хочется не простого имени для дочери, то назвать Эмилией. Она согласилась. Вот так я и стала Эмилией Юрьевной. Иногда мне кажется, что в этом имени есть что-то от отца: желание дать мне не просто имя, а немного света.

Дорогой дневник, я так рада, что им не пришло в голову назвать меня Даздрапермой, иначе я бы не пережила травли

и насмешек в школе. Меня бы называли спермой, эякулянтом, головастиком. Дети сейчас очень жестокие, они не осознают дозволенных границ. Недаром говорят «детская жестокость». Они творят «дичь», не осознавая, какую боль они приносят своими действиями. Для них всё это игра, простое развлечение. Я знаю, о чём говорю. У меня был отец, которого боялись. И этого было достаточно.

Дети не всегда бьют словами в лоб. Иногда они просто перестают звать тебя с собой. Просто замолкают, когда ты подходишь. Просто смотрят на твою семью и делают выводы. Взрослые думают, что дети не понимают. Но дети понимают всё, только объяснить не могут. Они видят, кто в классе «нормальный», а кто нет. И мой отец, с его изувеченным лицом, для них был не человеком, а чем-то страшным. Они не хотели знать, какой он внутри. Они видели только лицо без носа, шрамы, страшные ожоги. И им этого хватало. Они почему-то решили, что это заразно и они могут от меня заразиться. Стать такими же уродливыми как мой отец.

Мама умерла, когда мне было пять, и я её практически не помню. Но мне её заменил отец. Такого доброго и заботливого человека я больше никогда не встречала за всю свою жизнь. Он дул на мои царапины и ушибы, шептал нежные слова «чтобы ранки быстрее затянулись». Он делал это так серьёзно, будто действительно мог заговорить боль. И боль проходила. Не знаю, от слов или от того, что рядом был он. Наверное, от того, что рядом был он. Он умел заполнять со-

бой пространство так, что ничего больше не было нужно. Он не говорил громких речей. Он просто был. Приходил с работы уставший, порой пахнущий дымом и гарью, садился на кухне, смотрел на меня и улыбался — насколько мог улыбаться человек с таким лицом. Для меня это была самая обычная улыбка. Я выросла с ней. Я не видела в ней ничего страшного. Я видела своего любимого папу. А другие видели уродство. И я не могла им объяснить, что они ошибаются. Я пробовала. Но разве можно объяснить людям, которые не хотят слушать?

Его не стало год назад. Он так и продолжал работать пожарным. Не ушёл, не сдался, не спрятался. Хотя мог бы. Но он всё равно продолжал работать. Было возгорание в детском доме. Там жили дети до десяти лет. Он вынес всех. А последнего прикрыл своим телом. Дети все остались живы, а мой папа получил серьёзные травмы и не выкарабкался. Вот и всё. Вот так закончилась жизнь человека, который всю жизнь спасал других. Он снова вошёл в огонь. Снова не думал о себе. Снова вынес всех. А последнего ребёнка закрыл собой. Наверное, в этот момент он даже не думал. Просто сделал. Потому что иначе не мог. Потому что это был мой папа. Не смотря на уродство, он всё равно остался собой. И погиб так же, как жил, — спасая.

Я осталась одна. Вот и весь итог. Боже, да у меня даже друзей не было! Были знакомые, приятели. Но никто не хотел сближаться со мной, так как боялись уродства моего от-

ца. Почему? Почему все судят только по внешности? Почему никто не хотел узнать, какой мой папа внутри? Я задаю эти вопросы и не нахожу ответа. Я могу понять страх. Могу понять растерянность. Могу даже понять, почему люди отводят глаза, когда видят что-то, что их пугает. Но я не могу понять, почему из-за этого они отказываются от человека целиком. Почему лицо оказывается важнее доброты? Почему шрамы страшнее, чем пустота в душе? Мой отец был самым добрым человеком на свете. Он не сделал никому зла. Он спасал людей. Он любил меня. Он не заслужил того, чтобы его боялись.

Глава 2. Бумеранг

Ладно, дорогой дневник, хватит о прошлом моего отца. Хотя именно оно повлияло на формирование моей личности. Я уже рассказывала тебе о том, каким он был и через что прошёл, и возвращаться к этому снова и снова — всё равно что водить пальцем по свежей зажившей ране: она хоть и затянулась, но стоит прикоснуться, и снова чувствуешь боль. Поэтому теперь я напишу о себе.

Отец хоть и закончил обучение на юриста с красным дипломом, но так и остался работать пожарным. Кто бы взял его на работу с таким лицом? Естественно, никто не хотел видеть у себя такого работника. Папа быстро понял, что они боятся растерять клиентов от его уродства. Да, он попробовал пару раз устроиться, но ему отказали — весьма грубо. После второго отказа он больше не возвращался к этим попыткам. Диплом с красной корочкой лежал в ящике, а он снова и снова надевал форму, в которой его лицо никого не удивляло. На службе к нему привыкли, там знали, что огонь не смотрит на лицо, огню всё равно. И, наверное, именно поэтому отец остался там, где его принимали таким, какой он есть. Он не жаловался. Он вообще почти никогда не жаловался. Только иногда, когда думал, что я не вижу, грустно смотрел в окно и молчал. Я видела. Я всегда видела.

Он всегда учил меня тому, что любое начинание надо до-

водить до логического конца или вообще не начинать. Надо заранее всё продумать и решить, нужно ли тебе это, и если да, то идти до конца. Он был очень мудрым и старался привить мне все те качества, что были у него. Именно благодаря ему я полюбила узнавать что-то новое. Видеть суть людей, а не маски, с которыми они порой сживаются. Под самым красивым лицом порой пряталась гниль, а под невзрачной внешностью — бриллиант. Отец не говорил этого красивыми словами. Он просто показывал на примерах, и я запоминала. Когда я была маленькой, мне казалось, что все люди такие же, как он: добрые, терпеливые, честные. Потом я выросла и поняла, что это не так. Но привычка смотреть глубже осталась. Может быть, поэтому мне и было так больно смотреть на тех, кто видел в моём отце только искалеченное лицо.

Именно отец предложил мне обучиться на программиста и дополнительно изучить кадровое делопроизводство. Он считал, что я буду очень ценным работником. Я взвесила все за и против, как он учил, и согласилась с его предложением. Учёба давалась мне не то чтобы легко, но я упёрлась и дошла до конца. Отец тогда сказал, что гордится мной. Я до сих пор помню, как он это сказал — тихо, будто стесняясь, и в то же время серьёзно. На работу устроиться тоже помог мой папуля. У одного из его знакомых была своя небольшая фирма, и как раз требовался человек в отдел кадров. Там я и начала работать.

Папа оказался прав. Благодаря тому, что я разбиралась в

людях, я могла определить, куда именно устроить человека для самой эффективной работы. Конечно же, это не произошло одномоментно, по щелчку пальцев. Год я изучала работу, узнавала работников, направленность нашей фирмы. Я не торопилась. Я смотрела, слушала, запоминала, кто с кем ссорится, кто с кем дружит, кто силён в бумагах, а кто умеет говорить с клиентами так, что те уходят довольными. Только после этого я пошла с докладом к главному.

Я расписала всех наших работников, их сильные и слабые стороны, должности, которые они занимают сейчас, и должности, на которых они принесут максимум пользы. Видимо, только ради эксперимента главный тогда со мной согласился и на месяц перевёл людей на те должности, что я предложила. Всего лишь месяц, а результат был потрясающий. Наша фирма начала работать как слаженный механизм, что позволило получить в полтора раза больше прибыли, чем ожидалось. Именно после этого меня сделали единственным работником отдела по подбору персонала. До этого у нас этого отдела просто не было. Но так как фирма стремительно росла ввысь, открывались новые вакансии, и почти каждый день мы принимали новых работников, эта необходимость появилась. Иван Петрович, наш главный, был вне себя от радости, что дело его жизни наконец развернулось.

Так на подъёме прошло два года. Я приходила на работу раньше всех, уходила позже, но не чувствовала усталости. Мне нравилось видеть, как люди находят своё место, как у

них загораются глаза, когда они понимают, что справляются. Я чувствовала себя нужной. Наверное, это было самое спокойное время в моей жизни. Я даже начала думать, что, может быть, всё ещё наладится. Может быть, я встречу кого-то. Может быть, у меня появится своя семья. Я не строила больших планов, просто позволяла себе иногда помечтать. А потом у меня начались удары судьбы.

Сначала умер отец. Я уже рассказывала, как это случилось, и не хочу снова возвращаться к этому трагическому происшествию. Скажу только, что после его похорон квартира стала слишком тихой. Я долго не могла привыкнуть к тому, что никто не ждёт меня на кухне. Только я оправилась после этого, как умер дедушка. Он был уже старый, и его смерть была не такой внезапной, но всё равно выбила меня из колеи. Ещё через два месяца за дедушкой ушла и бабушка. Она словно не смогла без него. И я осталась совершенно одна. Ни родителей, ни деда, ни бабушки. Только работа, которую я любила, и квартира, в которой каждый угол помнил моего отца.

И как будто судьбе этого было мало, на работе тоже начались неприятности. У Ивана Петровича прямо на работе случился сердечный приступ. Мы отреагировали быстро, и скорая приехала вовремя. Вот только врачи посоветовали ему отойти от дел, во избежание повторного приступа. Так у руля встал его внук — Евгений Павлович.

Про себя я его называла Падловичем, ведь именно падлой

он и был. Я не сразу это поняла. Поначалу он вёл себя довольно вежливо, даже интересовался моими методами подбора персонала, просил что-то объяснить. А потом первым делом устроил на фирму свою очередную любовницу. Ладно если бы она была умненькой девушкой, но такой настолько необучаемой девицы я ещё не встречала. Было такое ощущение, что она окончила только школу и то только потому, что учителя её усиленно тянули, лишь бы выпустить и забыть о ней.

Она не понимала простых вещей, путала документы, задавала вопросы, на которые уже сто раз получала ответ. Я пыталась с ней работать. Правда пыталась. Ничего, и для такой я могла найти место, чтобы она приносила пользу, но он решил устроить её начальником логистического отдела. Спасибо, что хоть бывшего начальника не увольнял: тот просто вышел на пенсию и уехал к сыну помогать с внуками.

Именно с этого и начался крах моей карьеры. Эта Юленька была ни в зуб ногой, ни в лоб ботинком в логистике. Даже опытные замы не всегда могли исправить её ошибки. Сроки срывались, машины простаивали, клиенты начинали нервничать. Я видела, как то, что мы строили последние два года, начинает трещать по швам.

И как вишенка на торте - этот падла начал ко мне клеиться. Сначала это были намёки, потом он стал задерживаться после работы, заходить в мой кабинет без повода, говорить комплименты таким голосом, что хотелось вымыть уши по-

сле разговора. Я видела всю его чёрную душонку и отказала. Прямо, спокойно, но твёрдо. Он не вспыхнул, не начал кричать. Он просто улыбнулся и вышел. А через неделю подставил меня и выгнал с припиской в трудовой книжке «за несоответствие занимаемой должности». Этим он поставил крест на моей дальнейшей работе в данной сфере. С такой припиской меня никуда не возьмут. Я знала это, когда уходила. И он знал. Он нарочно выбрал такую формулировку, чтобы не просто уволить, а испортить мне биографию.

Да, я ушла. Найти другую работу для меня не проблема. Могу пойти работать программистом, благо есть диплом и знания. Да я даже могу пойти работать продавцом или уборщицей, если совсем прижмёт. Но проблема на этом не решилась. Он преследует меня. Распускает грязные слухи. Кому-то говорит, что я ушла, потому что не справлялась; кому-то — что я сама к нему приставала и получила отказ. Я чувствую эти осуждающие взгляды, когда выхожу из дома. Чувствую, как за спиной начинают шептаться. Может быть, мне кажется. Может быть, я уже настолько загнана, что вижу врагов в каждом. Но страх от этого не становится меньше.

А сегодня, в мой день рождения, я вместо хорошего подарка получила очередную оплеуху от судьбы в виде этого говнюка. Видимо, ему мало было уволить меня и замарать своими лживыми сплетнями. Он нанял двоих мужиков, чтобы они избили меня и унизили. Это случилось днём, когда я возвращалась из магазина. Я купила себе маленький торт,

свечку и коробку чая. Небольшой такой день рождения для меня одной. Я шла через двор, уже почти дошла до подъезда, когда они появились. Двое. Один высокий, в тёмной куртке, с ничего не выражающим лицом. Второй пониже, шире в плечах, с красными глазами и запахом перегара. Я не сразу поняла, что они именно ко мне. Двор был пустой, вечер ещё не наступил, но небо уже начало сереть. Они подошли с двух сторон, и высокий сказал: «Стальнова?» Я не ответила. Тогда второй схватил меня за руку выше локтя и потянул в сторону, к глухой стене у мусорных баков. Пакет выпал у меня из рук. Торт, наверное, разбился. Я не думала о торте. Я думала о том, что происходит.

Они не стали ничего объяснять. Просто начали бить. Не сильно, как бьют профессиональные убийцы, а как бьют люди, которым заплатили за унижение: по спине, по плечам, по рукам, которыми я закрывала голову. Один ударил по лицу, и у меня во рту стало солоно. Я упала на колени. Они подняли меня и снова толкнули к стене. Высокий держал меня за воротник куртки, а второй говорил что-то про то, чтобы я знала своё место. Я не запомнила всех слов. Но только одни врезались мне в память. «Евгений Павлович Шумилин передает тебе привет».

Я запомнила их голоса — равнодушные, будто они делали какую-то скучную работу. Они не хотели меня убивать. Им нужно было, чтобы мне было страшно и стыдно. Они порвали на мне куртку, вырвали из рук сумку, рассыпали по ас-

фальту мелочь и ключи. Второй сказал что-то такое, от чего меня замутило. Я закрыла глаза и думала о папе. Я думала о том, что он бы не испугался. Он бы не позволил им увидеть свой страх. И я старалась не плакать. Получалось плохо.

Хорошо хоть до насилия не дошло — им помешали. Из соседнего подъезда вышла женщина с собакой. Собака начала лаять, женщина закричала, и они отступили. Высокий отпустил мой воротник, второй подобрал что-то с асфальта и сказал: «В следующий раз не так повезёт». Они ушли быстрым шагом, не оборачиваясь. Женщина спросила, всё ли со мной в порядке. Я сказала, что да. Я соврала. Я собрала ключи, мелочь, раздавленный торт тут же выбросила в мусорный бак и пошла домой. Куртка была порвана, на локте саднило, губа распухла. Я поднялась в квартиру, заперла дверь на два оборота, села на пол в прихожей и сидела так, наверное, с полчаса. Мне было холодно. Мне было страшно. Мне было так одиноко, что я готова была выть.

И вот сижу я сейчас и изливаю всю свою горечь на твои страницы. Ведь у меня даже нет близкого человека, которому я могла бы всё рассказать. Так страшно быть одной… Я думала, кому позвонить. Полистала контакты в телефоне и поняла, что звонить некому. Знакомые — не те люди, которым рассказывают такое. Приятели — не те, кто приедет ночью. Коллеги — тем более.

Я закрыла блокнот. Вот, вылила все свои переживания, и мне стало легче. За окном тихо садилось солнце, окрашивая

небо в кровавые оттенки. Тихо зажигались фонари, освещая яркими пятнами темнеющие улицы. Город тихо готовился ко сну. А мне было страшно засыпать. Я закрывала глаза, а перед глазами снова и снова вставали кадры моего избиения. Нужно было отвлечься. Но на что?

Думала я не долго. Вспомнила как одна из бывших коллег как-то говорила о приложении для телефона. Там можно было посмотреть мини фильмы. Они были как созданные при помощи ИИ, так и с живыми актерами. Самое то, чтобы отвлечься.

Я просмотрела один фильм. После каждой серии в две — три минуты шла реклама. Но затягивало, так что я готова была и рекламу просмотреть. А вот после просмотра ощущения были двоякие. Вроде и всем на орехи досталось, но и главная героиня погибла. Восприняла я наверно все близко к сердцу еще и от того, что главную героиню звали как и меня — Эмилия.

Фильм был сделан с помощью ИИ, но настолько реалистично, что понять это можно было только по мелочам и слишком красивым актерам. Переживая за героиню, я не заметила как меня отпустил страх произошедшего сегодня. А значит можно ложиться спать

Я ещё посидела немного на кухне. Налила чай и выпила, жаль торт испортили. Я смотрела на поломанную свечку и думала, что если бы папа был жив, он бы обязательно заставил меня задуть её и загадать желание. Он бы сказал, что в

день рождения нельзя грустить, даже если очень хочется. Я улыбнулась этой мысли и тут же заплакала. Потом умылась, еще раз обработала ссадины, переоделась в старую футболку и легла.

В комнате было умиротворяюще темно, только уличный фонарь немного разбавлял эту тьму. Я думала о том, что завтра надо будет найти новую работу, что надо будет что-то решать с жильём, надо переезжать отсюда в другой город. Эта тварь мне не даст тут житья, но и спустить ему все с рук тоже нельзя. Надо будет как-то жить дальше. Думала о тех двоих и о том, что я их даже не смогу описать полиции. Я думала о папе. Потом мысли стали путаться, и я заснула.

Я так и не узнала, что в эту ночь я умерла. Те двое отмороженных бандитов нашли меня, чтобы завершить своё чёрное дело. Видимо, им показалось мало того, что было днём. Может быть, они испугались, что я пойду в полицию. Я спала, когда они вошли. Я не слышала, как открылась дверь. Чтобы я не проснулась и не встревожила никого своими криками, они ударили меня по голове. Этот удар был смертелен для меня. Я не почувствовала боли. Только темнота стала плотнее, и всё исчезло.

Так же я не видела, как этих подонков потом взяли на другом преступлении, и они сгинули в тюрьме, постарались родственники их последних жертв. Я не видела, что Падлович в итоге разрушил свою компанию и до конца своей жизни влачил жалкое существование. Жизнь — бумеранг, и когда

она возвращает тебе всё, что ты кинул, ты не всегда готов принять это и удержаться на ногах…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.